

видно из слов летописца, чувство равенства, чувство человечности: «жалостно же бе видети и достойно слез многих», как один татарин «до четырёхдесяти христьян ведяше с нужею повязавши».¹ Многие же множество было иссечено, другие умирали от мороза, голода и жажды. Отцы и матери плакали, видя своих «чад умерщвляемых», и «чада рыдали», разлучаемые с родителями; «и не бысть, — говорит летописец, — помилюющего или избавляющего и помогающего». В этих испытаниях проявлялись, как мы знаем, характеры удивительные. Так, в 1410 году перед фресками Андрея Рублева и Даниила в Успенском соборе произошло следующее событие: летом князь Данило Борисович из Нижнего Новгорода привел царевича Талычу и послал с ним изгоном к Владимиру боярина своего Семена Карамышева. Пришли к Владимиру «лесом безвестно» из-за реки Клязьмы, «людем в полдень спящим»; ограды у города в то время не было, наместник отсутствовал. «Окаянные» сначала взяли городское стадо, а затем стали людей сечь и грабить, а потом «пригониша к церкви святыя Богородица соборныя, в ней же затворися ключарь поп Патрикей с иными людьми». Патрикей спрятал церковные сосуды и людей наверху церкви и затем, убрав лестницы, стал перед «образом пречистыя плачаша». Татары и посланные нижегородского князя, ворвавшись в храм, схватили Патрикея и стали его жесточайшим образом пытаться о том, где спрятаны драгоценная кузнь и люди, что с ним были; «он же никак не сказа того, но многы муки претерпе: на сковраде пекоша и, и за ногти щепы биша и ноги прорезав, ужа вдергав, по хвосте у конь волочиша, и тако в той муце и скончашеся». «Сиа же злоба, — заключает летописец, — склочися от своих братьий христиан».²

Это была эпоха тяжелых нравственных падений и величайших подвигов. Велика была роль тех людей и того искусства, которые сумели пронести веру в лучшее, что было в русском человеке, и силою своего обаяния поддержать и воспитать в нем высокий патриотизм и гуманность. Самоотверженность рождала в русском народе в целом глубокую радость и веру в победу и возможность объединения.

В обликах некоторых апостолов на фресках Успенского собора даже через канонически отстоявшиеся черты на нас часто глядят глаза тех людей, которые умели видеть и любить мир. Лицо Иоанна полно такой нежности и доброты, что зритель ощущает на себе как бы взор тех близких ему людей, которые его любят. Этот взгляд воспринимается сердцем и дает большую радость и ощущение полноты жизни.

Трогательный по своей прелести образ представляет изображение младенца Иоанна Предтечи, которого ангел ведет в пустыню. Его фигура полна детской грации и доверчивой поспешности. Средства, которыми передается его детская нежность, так просты, что трудно сказать, чем удалось художнику передать такие как бы светящиеся одежды и тело, такую воздушность и мягкость объема.

У Феофана Грека тело, плоть есть нечто само по себе темное и тяжеловесное; оно только тогда начинает жить в его искусстве, когда он осветит его молниеносным светом своего воображения. Форма перестанет у него существовать, если утратятся блики. Его темперамент требовал для передачи одухотворенности экспрессии и контраста.

Рублев как бы меньше, чем другие средневековые люди, разделял дух и материю, он видел в их неразрывном единстве светлую, воздуш-

¹ ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1408 годом, стр. 238—239.

² ПСРЛ, XXV. — Московский летописный свод конца XV века, под 1410 годом, стр. 240.